

Несыгранная роль

Автор:

Людмила Шевцова

Несыгранная роль

Людмила Шевцова

Главная героиня повести – юная восходящая звезда Московского молодежного театра Вера Климова. Ради своего успеха на сцене она предает родных и близких. Оставляет в роддоме своего ребенка, потому что он, по ее твердому убеждению, будет только мешать ее театральной карьере. Блистая на сцене, она так и не сумела никого сделать счастливым. Даже роль матери отдала другой женщине. Но проходит время и на сцене появляются другие звезды, а бывшая прима, всеми забытая, влачит жалкое существование в одиночестве... Через двадцать три года она случайно узнает, что ее сын стал великим пианистом. Сыграв сотни ролей на сцене, она так и не сумела сыграть свою единственную роль в жизни. Вера прекрасно осознает, что ее счет пуст, и прожитая жизнь предъявляет ей суровый приговор возмездия...

Людмила Шевцова

Несыгранная роль

Повесть

Верунька лихо отплясывала «Семь сорок»...

Потряхивая плечами, она выгибала бедрышко, припадая на ногу, и как-то неестественно, не в такт, выбрасывала ее вперед. Еврей бы рыдал, обрывая пейсы, глядя на этот танец. В нем перемешались барыня с цыганочкой с несколькими движениями из «Семь сорок». Отсутствие чистоты танцевального стиля Веруня с лихвой компенсировала своей пластичностью, яркой внешностью и детской непосредственностью.

Окружив юную плясунью плотным кольцом, публика пританцовывала, хлопала, и восторженно подбадривала девушку.

К Веруньке подскочил колоритный мужчина лет тридцати с бородкой, орлиным носом и кавказским темпераментом.

– А ну-ка, давай на столе!

Он подхватил ее, словно перышко, и поставил на стол, за которым сидели в приличном подпитии еще двое не менее колоритных джигитов. Они громко хлопали в ладоши и буквально пожирали горящими глазами юную плясунью.

– Танцуй, красавица! Плачу! – потребовал орлиный нос и одним движением смахнул скатерть вместе с бутылками и закуской на пол.

Обалдевший от такой наглости гостя, к нему подлетел официант с гневным намерением немедленно вызвать милицию и выдворить хулигана из ресторана, но его возмущение было тут же погашено несколькими четвертными. Официант мгновенно сменил гнев на милость и исчез, изгибаясь между столиками.

– Цыганочку давай! Не обижу! Зураб гуляет! – крикнул орлиный нос музыкантам, а сам придерживал обескураженную девушку на столе.

Музыканты как будто и не слышали просьбу Зураба, стали неторопливо собирать инструменты. Отработанный прием повышения чаевых их никогда не подводил.

Уязвленный Зураб пулей метнулся к ударнику, вытащил сотенную, поспешил ее и приклеил на барабан, как фантик, под общее одобрение разогретой

публики.

– Играй, слышишь! Играй, пока мне не надоест! Зураб гуляет!

Сотенная произвела на музыкантов должный эффект. В то время инженер получал девяносто в месяц.

И грянула цыганочка! С выходом...

Смущенная Верунька сообразила, что попала в переplet. Теперь Зураб просто так от нее не отстанет и разумнее будет ублажить огнедышащую лаву кавказского темперамента.

Она сбросила туфельки, изогнулась, как могла, кокетливо посмотрев на Зураба, и ее прозрачная персикового цвета кофточка с глубоким вырезом и широкими свободными рукавами, которые только вошли в моду, птицей взметнулась вверх.

Цыганочка у Веруньки получалась лучше, чем «Семь сорок».

С горящими глазами, цокая языком и хлопая в ладоши, Зураб метался вокруг стола.

– Ах, какая дэвочка! Какая дэвочка! Шампанского! Всем! – все больше распалялся Зураб.

Захмелевшая Верунька была в ударе. У нее была удивительная способность мгновенно включать всех и вся в свою орбиту. Познакомившись с ней, через пять минут уже казалось, что ты ее лучший друг. Все как будто заряжались ее энергией. Оторваться от Веруньки было невозможно. Девчонка-капкан! Лапку протянул, капкан – щелк, и это уже с концами.

В Веруньке все было не похоже на других. Снисходительная полуулыбочка на вишневых блестящих губах, причем не подкрашенных, будто сам Господь Бог раздавил на них вишенку. Рот у Веруньки чувственный, немного асимметричный. Но этот недостаток ее совсем не портил. Уголки губ были чуть-чуть потянуты вправо и ровно настолько, чтобы придать ее улыбке необъяснимое очарование.

Смеялась Верунька так заразительно, что все без исключения попадали в плен ее обаяния. При этом абсолютно естественная, как сказали бы сейчас – голливудская улыбка, обнажив два ряда ровных белоснежных зубов, добивала мужчин окончательно. Красоте ее зубов завидовали все, особенно дантисты, считая, что такой подарок от природы большая редкость.

Ее пышные волосы темно-янтарными волнами ниспадали почти до талии. Хотя трудно было точно определить их цвет. На солнце они отливали медью, а при электрическом свете казались светло-каштановыми.

Глаза у Веруньки колдовские, «на ножках», как метко охарактеризовал их один из ее поклонников. Под пушистыми загнутыми кверху коричневыми ресницами, искрились две блестящие влажные масляны.

Верунька знала о притягательности своих глаз. И сейчас, запрокинув голову, улыбаясь, она ощущала на себе восторженный взгляд не только Зураба, но и всех гостей в зале. И чем больше они шалели от ее красоты, тем сильнее Верунька извивалась в танце, подчеркивая при этом все прелести своей точеной фигуры.

Девяносто-шестьдесят-девяносто – это не для нее. Восемьдесят-пятьдесят два-восемьдесят! Во как! Венера Милосская отдыхает...

Правда, росточком Верунька, ну, не то чтоб не вышла... Не дотянула чуток до модели образца семидесятых. Метр шестьдесят с небольшим. Ей бы ножки чуть длиннее. И точно – в Голливуд!

Но именно небольшой росточек и придавал девушке необыкновенную хрупкость и какую-то трогательную незащищенность.

Вечно улыбающуюся, бесшабашную Веруньку хотелось подхватить на руки, прижать к груди и любоваться ее раскосыми глазками «на ножках», по которым угадывалось, что в ее породе все же затесался кто-то с востока.

Успех Веруни настолько возбудил Зураба, что он заорал на весь зал.

– Женюсь! Сегодня же женюсь! Сейчас же, слышишь! И в тундру! Все отдам! Моя будэшь!..

Оркестр тут же отреагировал на желание клиента, и в зале грянуло про тундру, оленей, зарю и Крайний Север. Причем уже в пятнадцатый раз за вечер. Попурри завершила зажигательная лезгинка...

Тут Зураб не выдержал и пустился в пляс. Он кружился волчком вокруг Веруни, и она старательно пыталась изобразить лезгинку.

На финальном аккорде танца Зураб подхватил красавицу на руки и закружился по залу. Потом усадил на колени и стал целовать ее шею и грудь, щекоча нежную кожу жесткой прокуренной щетиной. Верунька смущенно отворачивалась, пытаясь соскользнуть с колен Зураба. Но тот крепко держал ее одной рукой за талию, а второй поглаживал упругую грудь.

Его захмелевшие приятели восхищенно смотрели на девушку и что-то громко говорили Зурабу на своем языке. Они попросили официанта немедленно объединить столики: свой и тот, за которым сидела Верунька с подругами. А это означало, что счет за девушек оплатят горячие поклонники. К тому же Зураб возместил не только ущерб за разбитую посуду, но и щедро оплатил право погулять с девчонками на всю катушку до утра.

Обычно ресторан закрывался в полночь. Но частенько случалось, что заезжая публика застревала здесь до последнего клиента «под личную ответственность администрации». И весь доход шел мимо кассы.

В этот раз гуляли геологи. Они приехали в Москву получать почетные знаки первопроходцев. Вначале семидесятых эти медали приравнивались к орденам Трудовой Славы. В их честь и был устроен грандиозный банкет в «Праге». После официального приема, изголодавшись по цивилизации, красивым женщинам, геологи пускались во все тяжкие.

Как правило, почти все деньги, заработанные за годы аскетичной жизни на севере, оседали в ресторанах Москвы. Некоторым так и не удавалось добраться до вожделенного юга, о котором мечтали целый год. Тогда путь с севера на юг пролегал через Москву. Столичные рестораны, особенно «Прага», «Арагви» и «Москва», заранее готовились к приему отпускников. Побывать в этих

ресторанах было так же престижно, как и на «Лебедином озере» в Большом театре.

У многих северян здесь были насиженные места, знакомые официанты. К приезду своих клиентов официанты заранее запасались чешским пивом, разумеется, подпольно и по баснословным ценам, а также «подсадными утками».

У каждого уважающего себя официанта был набор на любой вкус молодых красивых женщин, которые мечтали не только поразвлечься с денежными клиентами и раскрутить их на дорогой подарок, но и, если повезет, выскочить замуж за приличного мужика.

Система работала без сбоев. Как только платежеспособный клиент доходил до нужной кондиции, за их столик официант подсаживал «своих», причем «дикое» извиняясь и непременно спрашивая: «Вы не позволите двум милым дамам поужинать за вашим столиком? К сожалению, в зале нет свободных мест... Но если вы возражаете, то...»

Согласие разогретых клиентов следовало раньше, чем официант успевал договорить, и милые дамы оставались ужинать до утра. В результате официант имел не только дополнительные чаевые, но получал еще и гонорар по десять рублей с каждой дамы. Среди «подсадных» в основном были проститутки. Этот бизнес, как известно, процветал во все времена. Официант называл своим постоянным клиентам адресок «нехорошей» квартиры, где можно было поразвлечься с девочками и посмотреть по импортному видеомаягнитофону порно. Кассеты привозили из-за границы моряки и дипломаты. Это был высший пилотаж сервиса...

В семидесятые годы за мужчинами, работающими на севере, женщины охотились не меньше, чем за сегодняшними олигархами. Бессмертным стимулом повышенного интереса слабого пола к таким мужичкам были и остаются деньги и не только. В те годы к формированию образа героя совкового разлива усиленно прилагала руку пресса. Ежедневно на первых полосах «Правды» и «Известий», а они присутствовали в каждом доме, красовались волевые бронзовые лица покорителей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Во-вторых, среди них действительно попадались довольно образованные и интеллигентные люди. И, в-третьих, север был практически закрыт для женщин. Поэтому ресторанное знакомство, самолеты и курорты были для них чуть ли не

единственной возможностью покорить горячее и столь же неискушенное сердце первооткрывателя. И, разумеется, частенько женами первопроходцев становились официантки, стюардессы и проститутки.

Информацией о высадке очередного северного десанта в московских ресторанах обладали только официанты. Они-то и решали, кого из «подсадных» оповестить о престижной тусовке первооткрывателей, а кого задвинуть, скажем, на съезд хлеборобов. С хлеборобами работали «подсадные» попроще. Особенно котировалась информация о закрытых банкетах, где собиралась исключительно элитная публика мужского пола. «Билет» на такой банкет у «подсадных» пользовался сумасшедшим спросом по тройному тарифу.

На праздник почетных геологов Веруньку с двумя подругами пригласил ее давний поклонник Гоша. Он работал официантом в «Праге», где быстро заматерел на тамошних чаевых. У него дома всегда водился хороший коньячок и редкая по тем временам черная икорка. К тому же Гоша водил дружбу и со столичной «фарцой». У предприимчивого официанта в любое время суток можно было купить модные шмотки, дорогие сигареты и заграничные напитки. Сам Гоша одевался стильно, ездил на «Волге» с оленем, хотя и подержанной, что считалось по тем временам несусветной роскошью, сравнимой с мерседесом и ничего не делал просто так. В каждом его поступке был расчет.

Словом, Гоша был завидным женихом. С темно-серыми глазами, черными вьющимися волосами... Ему часто говорили, что он похож на Алена Делона. Гоша непомерно гордился сходством с французской кинозвездой и изо всех сил старался во всем ему подражать: манерой одеваться, двигаться, даже прическу носил такую же, как именитый артист.

Веруня ему нравилась. Он терпеливо приручал ее подарками и приглашениями в ресторан, рассчитывая в будущем обладать ею полностью.

Веруня же водила Гошу за нос, хотя охотно принимала его ухаживания и дорогие подарки. Он был не тем принцем, о котором она мечтала, а всего лишь симпатичным обеспеченным парнем. За его счет можно было поразвлечься в ресторане, покататься на его престижной «Волге», вызвав неподдельную зависть у своих сверстниц.

Гоша не скрывал своего гнева, исподволь наблюдая как Веруня заигрывает с сальным Зурабом, похожим на орангутанга, а тот ее бесцеремонно лапает. Гоша, обуреваемый ревностью, злился на свою пессию и метал в ее сторону испепеляющие взгляды. Выбрав момент, он красноречивым жестом показал ей на дверь: мол, пора сматываться, иначе будет скандал.

В ответ Веруня только кокетливо улыбнулась. В ней очень рано проснулся хищный зверек. Она почувствовала свою власть над мужчинами и сейчас испытывала состояние эйфории от собственного куража и превосходства над ними. Веруне нравилось, что из-за нее, сопливой девчонки, такой взрослый мужчина, как Зураб, поставил на уши весь ресторан, а Гоша буквально не находит себе места от ревности и мечется между столиками, как раненый зверь. В очаровательной головке Веруни уже зрело ощущение, что роль повелительницы-сердцеедки самая желанная в ее жизни.

Эта роль ей нравилась больше всего. А вовсе не та, про которую они писали в школьных сочинениях, выискивая в критических статьях чахоточного Белинского умные фразы про пророческие сны Веры Павловны. Верунька, как, впрочем, и ее сверстницы, не понимала ни смысла, ни образа жизни Веры Павловны. И после каждого сочинения, сбившись в стайки, они уезжали в Нескучный сад, где все запретное становилось таким вожделенным. Там они решали и «женский» вопрос, и находили место «подвигам», и точно знали, «что делать».

Зураб пил много, но не пьянел. Он все сильнее и сильнее прижимал Веруньку к себе. Но она испытывала к нему отвращение. К сожалению, незаметно исчезнуть из ресторана ей пока не позволяла сложившаяся ситуация. Зураб не отпускал ее ни на минуту, и она была вынуждена терпеть его ухаживания. От Зураба сильно пахло водкой и цыпленком табака. Его нежности были какими-то грубыми, а густая борода жесткой. Правда, при ближайшем рассмотрении он показался Веруне значительно моложе. Борода делала его старше своих лет. На самом деле ему было не больше двадцати пяти. По его поведению было видно, что он сильно втрескался в Веруньку и имеет на нее далеко идущие планы. Свое искреннее желание немедленно жениться он подтвердил документально.

– Смотри, – Зураб демонстративно достал паспорт и открыл перед ее очами страницу с особыми отметками, – видишь, чист я. Не вру. Не женат. Вот они знают. Зураб честный. Зураб настоящий мужчина.

Друзья Зураба активно закивали, хотя абсолютно не понимали в этот момент, что они должны подтвердить, так как целиком были заняты ее подругами. Маша и Аня легко поддавались их «обработке» и окончательно поплыли, когда Зураб предложил Веруне руку и сердце.

Если бы им так подфартило, они бы мгновенно впорхнули в семейную жизнь и были бы несказанно счастливы. Но сегодня везло не им. И мерзкий червячок зависти, подогретый вином, уже свербел в их головах, нахально требуя показать и себя, а вовсе не быть сереньким фоном красавицы-подруги.

Маша тряхнула своей шестимесячной завивкой, которую она сделала сегодня утром по случаю выхода в свет, повела плечиком, подражая Веруне, и сверкнула своими белесыми глазками с выщипанными в ниточку бровками.

– А мы тоже не замужем! – кокетливо пропела она. – Верочка еще малолетка. Рано ей замуж! А вот мы, – она кивнула в сторону Ани, – девушки серьезные, зрелые и неизбалованные!

Аня изобразила смущенную улыбку и замахала своими пухлыми ручками с перстеньками, купленными на рынке. Она была небольшого росточка, полненькой, розовощекой, с нарисованной мушкой над верхней губой. Мушка, как ей казалось, придавала ее облику сексуальную привлекательность. Битых три часа она провела у зеркала, тщательно подрисовывая свою завлекалочку, накладывая несколько слоев туши, смешанной по особому рецепту с химическим карандашом.

– Мне старухи не нужны! – ухмыльнулся Зураб. – Я хочу вот этот нежный цветок! – он потянулся своими толстыми губами к нежной щечке Веры. – Зураб умеет любить!

Та брезгливо сморщила носик, но не оттолкнула Зураба, а только успела прижать свой пальчик к его влажным губам, притормозив таким образом очередной порыв страсти.

Веруня не собиралась продавать себя этому чуреку. Она твердо знала, что доведет его до экстаза и, когда тот оплатит их счет, улучив момент, слиняет, как всегда, через служебный вход. Флирт с Зурабом для нее всего лишь игра, самодеятельный театр, а она в этом спектакле – Королева-обольстительница. И

по законам жанра все должны лежать у ее ног и вымаливать снисходительную улыбку своей королевы. Как же она обожала такие мгновения!

Геологи же, распушив хвосты перед девушками, тешили себя мыслью, что перед ними неопытный молодняк, который, скорее всего, случайно попал в ресторан. И тут, разумеется, выяснилось, что девчонки, «совершенно случайно» пробегая мимо ресторана, решили отметить досрочную сдачу экзамена. Так они и оказались в «Праге» на банкете у первооткрывателей. Про Веруныкин день рождения врать не стали. В этом году они «отмечали» его трижды. Так что версия обветшала и требовала обновления. Легенда с экзаменом выглядела убедительнее, хотя студенткой на самом деле была только Вера.

Маша и Аня были лимитчицами. Работали на заводе резиновых изделий и, после семи лет ударного труда на вредном производстве, им обещали постоянную прописку в Москве и отдельную комнату в общежитии. А пока они снимали комнатку у Дуси, близкой подруги матери Веры.

Маша и Аня очень надеялись на удачное замужество и сегодня им несказанно повезло. Они, благодаря невиданному жесту Гошиной щедрости, оказались в элитном ресторане, да еще в компании респектабельных неженатых мужчин.

Им выпал козырный туз. И они не хотели упустить возможность заарканить этих мужичков. Девушки изо всех сил пытались их очаровать. И, конечно же, они не собирались, как Веруня, линять через служебный вход.

Подруг у Веруныки было много. И не потому, что они уж очень ее любили. Скорее завидовали ее легкости и красоте. С ней можно было запросто познакомиться с любым парнем. Она была верной приманкой, своего рода наживкой, на которую косяком шла приличная рыба. И частенько Верины подруги застревали в постели ее поклонников. Она не ревновала. Ей льстило, что они пользуются ее добычей.

По закону сохранения материи – ничто не исчезает без следа, после таких загулов у той или другой подруги возникала необходимость очередного аборта. Эту проблему опять-таки приходилось решать все той же Веруньке. Улыбаясь, она утирала слезы несчастных и в тысячный раз выслушивала про мужиков-сволочей, у которых мозги находятся исключительно в яйцах. Ведь не случайно их два, по количеству полушарий. Сравнение мужского интеллекта с шарами ниже пояса ее смешило и забавляло.

Во времена Верунькиной юности про безопасный секс, контрацептивы, прокладки и «орбит» никто не знал, так как в стране коммунистических идеалов ни секса, ни других проявлений загнивающего капитализма и в помине не было. Правда, по количеству аборт, в основном нелегальных, страна эта была впереди планеты всей. И тут в кругу уважаемых людей на первый план выступали высококлассные специалисты. Среди них были звезды первой величины.

Одно такое светило именовалось Карен Геворкян. Слияние армянских и еврейских кровей явило миру гинекологическую звезду. Карен Геворкян творил чудеса. Как официально, так и подпольно. Только на одних абортах он нажил колоссальное состояние. А к состоянию – имя, которое с восхищением передавалось из уст в уста из поколения в поколение. Известный не только в Москве, но и далеко за ее пределами телефончик знаменитости кочевал от жен и любовниц к дочерям и внукам. Все, кто хоть как-то был знаком с гинекологическим гением современности, кланялись ему в пояс, расплываясь в подобострастной улыбке, понимая, что с Кареном надо дружить всегда.

Во-первых, Карен действительно был непревзойденным мастером своего дела. Он делал аборт на любых сроках, причем без отягчающих последствий. Во-вторых, он умел хранить тайну, что для влиятельных людей было очень важно, а Карен водил дружбу только с сильными мира сего. Высший пилотаж Карена особенно ценили женщины, изменявшие своим высокопоставленным супругам. Чтобы у отяжелевших от партийных забот рогатых мужей не возникало никаких подозрений, он избавлял их жен от последствий любовных утех, даже не побрив лобка.

У Веруньки с Кареном были особые отношения. В жизни гинеколога она была тем редким исключением, просьбы, которой он выполнял безропотно, а главное, бесплатно. Одной фразы: «Але, Карен Ашотович? Это я, Вера!» было достаточно, чтобы все проблемы с «залетом» ее подруг решались незамедлительно и в лучшем виде. А это значит – с наркозом, без последствий и тайно. Саму же Веруньку Бог пока миловал.

Совсем отяжелев, геологи собрались уходить из ресторана. Да и времени уже было два часа ночи. Верунька сильно притомилась, израсходовав запас куража. Зураб ей порядком поднадоел. Она уже клевала носом и ждала, когда Гоша выведет ее через служебный вход. Но он решил ее наказать. Уж больно откровенно она заигрывала с Зурабом, вызвав у него безумную ревность. Гоша

больше не смотрел в ее сторону и не подавал никаких спасительных знаков. Веруня поняла – ей придется выкручиваться самой. Анна с Машей раскисли так, что их впору было самих выносить из ресторана. В объятиях геологов они окончательно созрели для интимного диалога...

Распаленный Зураб оказался трезвее всех. Он уже сгорал от неумного желания обладать юной красавицей. Пошептавшись со своими друзьями, он понес девушку к выходу. Верунька не сопротивлялась. У нее не было сил. Ей хотелось поскорее где-нибудь прилечь. И предприимчивый Зураб наметил где. У входа в ресторан уже стояло такси.

Увидев такси, трезвая мысль на мгновение промелькнула в ее бесшабашной головке. До Веруни дошло, что Зураб собирается ее куда-то увезти. А там ей уже не выкрутиться. Она слишком увлеклась игрой, и теперь ее может спасти только какой-нибудь неожиданный трюк.

– Ой! – нарочито расстроившись, воскликнула девушка, с трудом преодолевая свое размякшее состояние. – Сумочку забыла! А там документы, студенческий, ключи от дома... Я сейчас! – И для пущей убедительности она сунула Зурабу свой модный плащик, с таким трудом добытый мамой у спекулянтов. – Подержите, пожалуйста...

Этот плащик и усыпил на какое-то время бдительность Зураба. Пошатываясь, она скрылась на кухне ресторана. Позвали Гошу, и тот, разъяренный поведением своей возлюбленной, спрятал ее в кладовке, куда после смены кухонные работники ресторана сбрасывали грязные скатерти, полотенца и халаты. На всякий случай Гоша закрыл кладовку на ключ. Там, на куче грязного белья, Верунька и проспала всю ночь.

Через десять минут Зураб вернулся в ресторан за обольстительницей, но никто ее, конечно, там не видел. С плащиком в руках, отчаянно ругаясь, перемежая грузинскую брань с русским матом, он мотался по всему ресторану в поисках Веруни. Гоше даже пришлось пригрозить милицией обманутому поклоннику. Из кладовки Веруньку освободили только утром, когда в ресторан на работу пришла другая смена. Понятно, Веруньку пристыдили и отпустили с миром.

Помятая, провонявшая грязным бельем, с опухшим лицом она еле добралась до своего дома. Ее жутко мутило, и голова буквально разрывалась от боли. Она

дала себе слово больше никогда не ввязываться в такие авантюры. Хотя где-то в глубине души была довольна собой, что так эффектно выкрутилась из этой скандальной и небезопасной истории.

Мать Веруни вернулась с ночного дежурства только после полудня. И, застав дома дочь, очень встревожилась. Веруня в это время должна быть в институте.

– Доченька, что с тобой? Ты почему дома? Не заболела ли?

Валентина Александровна потрогала лоб дочери, прикоснулась к нему губами, но жара не обнаружила.

Веруню знобило. Кутаясь в одеяло, еле-еле шевеля губами, она попыталась успокоить мать.

– Да все нормально, мам. Не переживай. Отравилась вчера в столовке. Тошнит...

– Надо срочно желудок промыть! – Валентина Александровна поспешила на кухню заваривать ромашку. – Ну, паразиты! Воруют, а детей всякой дрянью кормят! – ругала она работников общепита. – И нет же совести у людей?! Вот поеду в вашу столовку, устрою скандал! Да я на них санэпидстанцию натравлю! Дусе позвоню. Она же в санэпидстанции работает...

Верунька прекрасно знала, что мать никуда не поедет и ничего никому не устроит. Поворчит-поворчит, на этом дело и кончится. Но на всякий случай подстраховалась.

– Да не переживай ты так, мам. Обойдется. Если честно, я точно не знаю, где траванулась. Мы с девчонками еще в чебуречную заходили.

– Я тебя сколько раз просила, обедай дома! Вон, еда нетронутая стоит, а ты по чебуречным шляешься! – возмущалась Валентина, хотя сама валилась с ног, мечтая часок-другой вздремнуть после суточного дежурства. – Ох, Верка, Верка, не бережешь ты себя! Это я тебе как медик говорю. Хватишься, поздно будет...

Валентина Александровна воспитывала дочку одна. Сорок лет она проработала медсестрой. Сорок лет на одном месте, в одном отделении – кардиологическом, да еще в престижной больнице. Не каждому так повезет.

Личная жизнь у Валентины Александровны не сложилась. Да и как ей сложиться? В сорок первом ей было шестнадцать. Она уже тогда работала медсестрой. Все ее женихи погибли на войне. Невест хоть отбавляй, а мужиков – раз-два и обчелся. Такая вот доля выпала на ее поколение. Она и не роптала. Когда годы уже подпирали под сороковник, прижила девочку. Как говорится, прямо на рабочем месте. Родила для себя, чтобы было кому в старости воды подать да словом обмолвиться. Не было в ее жизни ни сумасшедшей любви, ни страсти, ни ревности...

Лежал у них в кардиологическом отделении летчик с инфарктом. Приехал из Новосибирска. В столичной клинике его лечили за военные заслуги. Никто летчика не навещал. Валентина за ним ухаживала. По доброте душевной она ему то домашнего бульончика принесет, то клюквенный морс сварит. Курагу на рынке покупала, мандарины доставала, словом, поддерживала, как могла. А потом, когда летчик оклемался, стал ей на дежурстве помогать. Бессонницей маялся. Говорил, что до сих пор война снится, не отпускает.

Валентина, чтобы как-то свести концы с концами, работала на две ставки. Практически день и ночь пропадала в больнице. Там, в ординаторской, в одно из ее ночных дежурств, у них все и случилось. Без всяких пылких признаний и страсти. Он вроде бы как отблагодарил ее за заботу...

При выписке летчик подарил Валентине коробку конфет и бутылку шампанского. И еще сунул в карман четвертную. А это почти половина Валентиной зарплаты. Она тихо порадовалась, что мужик щедрым оказался. Со своей подругой Дусей выпили шампанское на Восьмое марта, и Валентина забыла про свою мимолетную связь. Вспомнила, когда обнаружила задержку месячных. Валентина кинулась к Карену Геворкяну, заведующему гинекологическим отделением этой же больницы. Надежда на ранний климакс у бедняги рухнула.

– Беременна ты, голуба моя! – вынес приговор знаменитый гинеколог. – И вот тебе мой совет. Рожай, Валентина. Не вздумай делать аборт. Я лично не

возьмусь. У тебя целый букет болячек. А родишь, минуешь операцию, продлишь жизнь. Это я тебе обещаю. Я удивляюсь, как ты вообще забеременела. Видимо, судьба тебе плечо подставила. Так что цени ее благосклонность.

– Куда ж мне рожать-то, Карен Ашотович?! – растерялась Валентина и расплакалась от такой несправедливости. – Другие вон гуляют напропалую и ничего! А я один раз на штаны вполглаза поглядела и... на тебе! Мне ж уже тридцать семь. Да и незамужняя я. Ну, куда мне с дитем? Одна ведь я. Мать как полгода похоронила.

– Поверь мне, Валентина, это твое спасение, – успокаивал ее гинеколог. – Сам буду вести тебя до родов. Родишь, как миленькая. Обещаю. А что не замужем, так это даже хорошо. Будет тебе и забота, и забава. И еще, чтоб ты знала. Женщины, которые поздно рожают, живут дольше и склерозом не страдают. Факт научно доказанный. Так что дерзай!

Валентина, пока шла в свое отделение, почти смирилась с мыслью, что ей придется родить дочку. Она интуитивно почувствовала, что будет именно девочка. И сразу же ее полюбила.

О своей беременности Валентина сказала только Дусе. Та раскудахталась, стала жалеть подругу, а потом вдруг расплакалась и загнусавила:

– Ой, Валька, завидую тебе! Я вон двадцать лет мужского духа не нюхала. А тебе, считай, повезло. Рожай! И мне радость. Вместе вытянем, раз своих Бог не дал.

Подруги поплакали-поплакали над своей неудалой судьбой, а потом все же женское любопытство взяло вверх...

– Отец-то признает? – спросила Дуся. – Кто он? Чтой-то ты и словом не обмолвилась, с кем шашни водишь, а? Вон и ребеночка прижили, а ты молчок. А мы ведь с детства с тобой – не разлей вода. Как сестры. Я-то от тебя ничего не таю!

– Да какие там шашни, Дусь. Зря обижаешься, – оправдывалась Валентина. – Что рассказывать. Ну, лежал у нас один. Летчик. Из Новосибирска. С виду представительный такой. Долго лежал. Я его пожалела. Переспала с ним один

раз на работе. Сама знаешь, я кроме больницы – никуда. Да и кому я нужна, перестарок. Щас вон молодые в девках сидят. А наши с тобой женихи сама знаешь где...

– Твоя, правда. – Дуся тяжело вздохнула. – Я иногда проснусь и думаю: неужели тебе, Дуська, так вот всю жизнь одной в холодной постели маяться? Послал бы Бог кого-нибудь, хоть увечного, хоть... Все ж не одна. Только бы не пьющего. С пьющим-то, ой, маята! Твой-то, не пьющий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/lyudmila-shevcova/nesygrannaya-rol-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)